В 1909 ГОДУ в Москве, в издательстве «Гриф» вышел сборник стихов Андрея Белого «Урна».

Гумилев написал рецензию на этот сборник, которая, на мой взгляд, представляет большой интерес, ибо в определенной мере раскрывает художественный вкус и поэтические пристрастия самоубитного поэта:

«Из всего поколения старших символистов Андрей Белый наименее культурен — не книжной культурой ученых, чем-то вроде сиамского ордена, который ценится только за то, что его трудно получить и он мало у кого есть, в этой культуре он силен, — а истинной культурой человека, которая учит уважению и самокритике, входит в плоть и кровь и кладет отпечаток на каждую мысль, каждое движение человека.

...И я сужу не по «Пеплу» и по «Кубку мятежей», им судья Бог, а по всей творческой деятельности Андрея Белого, за которой я слежу давно и с интересом.

Почему с интересом, будет видно из дальнейшей.

Поэт Белый быстро усвоил все тонкости современной стихотворной техники. Так, варвар сразу принимает, что не надо есть рыбу ножом, носить зимой цветных воротников и писать сонетов в двенадцать строк (как это недавно сделал один небезызвестный поэт). Он пользуется и свободным стихом, и аллитерациями, и внутренними рифмами. Но написать правильное стихотворение с четкими и выпуклыми образами и без шумихи слов он не может. В этом он уступает даже третьестепенным поэтам прошлого, вроде Бенедиктова, Мейя или К. Павловой. И сильно можно поспорить против его понимания четырехстопного ямба, размера, которым написана почти вся «Урна».

Слѣда за развитием ямба у Пушкина, мы видим, что великий мэтр все больше и больше склоняется в сторону применения наибольшей звучности стиху. Непонятно, почему Андрей Белый отказывается от такого важного средства придать жизнь своим часто деревянным стихам.

Но в чем же чара Андрея Белого, почему о нем хочется думать и говорить? Потому что у его творчества есть мотивы и эти мотивы воистину глубоки и необычны.

Николай ГУМИЛЕВ:

Моск. коллегам — 1990. — 6 сент.

«Я сам из пучины...»

У него есть враги — время и пространство, есть друзья — вечность, конечная цель. Он конкретизирует эти отвлеченные понятия, противопоставляет им свое личное «я», они для него реальные существа его мира. Соединяя слишком воздушные краски старых поэтов со слишком тяжелыми и резкими современных, он достигает удивительных эффектов, доказывающих, что мир его мечты действительно великолепен.

Атласные, красные розы,
Печальный хрустальный фонтан.

Читатель останется недоволен моей рецензией. Ему непременно захочется узнать, хвалю я или браню Андрея Белого. На этот вопрос я не отвечу. Еще не наступил час итогов.

СОХРАНИЛОСЬ не датированное неизвестное письмо Н. Гумилева к Иннокентию Анненскому (1856—1909). И. Анненский в 1896 году был назначен директором гимназии в Царском Селе, где он прожил до самой смерти. В 1903 году Н. Гумилев поступил в седьмой класс этой гимназии. Еще будучи гимназистом, он под влиянием И. Анненского выпустил в 1905 году свой первый поэтический сборник под названием «Путь конквистадоров».

Письмо, по всей вероятности, было написано в 1908 году, потому что в нем упоминается стихотворение Н. Гумилева «Озеро Чад», которое вошло в сборник «Романтические цветы», выпущенный в Париже именно в этом году.

«Многоуважаемый Иннокентий Федорович!

Я уже много раз просил Валентина Иннокентьевича (сына И. Анненского. — М. Г.) передать Вам мою искреннюю благодарность за вашу чудную статью о моей книге, но теперь уступаю желанию поблагодарить Вас самому.

Я не буду говорить о той снисходитель-

ности и внимательности, с какой Вы относитесь к моим стихам, я хочу особенно поблагодарить Вас, за лестный отзыв об «Озере Чад», моем любимом стихотворении. Из всех людей, которых я знаю, только Вы увидели в нем самую суть, ту интуицию, которая составляет сущность романтизма и в значительной степени обусловило название всей книги.

С главной мыслью Вашей статьи я не могу вполне согласиться, но во многом она дает мне возможность взглянуть на себя под совершенно новым углом зрения. Надо ли говорить, как это ценно.

Еще раз бесконечно благодарю Вас за те усилия, которые Вы сделали, чтобы помочь мне осознать мое творчество и подвинуть меня так на много «по тернистому пути славы».

Искренне преданный Вам
Ваш Н. Гумилев.

РУСАЛКА

Посв. А. А. Горенко*.

На русалке горит ожерелье
И рубины греховно красны,
Это странно-печальные сны
Мирового, больного похмелья.
У русалки горит ожерелье
И рубины греховно красны.
У русалки мерцающий взгляд,
Умирающий взгляд полуночи.
Он блесит, то длинней, то короче,
Когда ветры морские кричат.
У русалки чарующий взгляд.
У русалки печальные очи.
Я люблю эту деву-ундину,
Озаренную тайной ночной.
Я люблю ее взгляд заревой
И горящие негой рубины...
Потому что я сам из пучины
Из бездонной пучины морской.
1909 г. Царское село. Н. Гумилев.
(Опубликовано в Нью-Йорке в ж. «Воз-

* А. А. Ахматовой.

душные пути», 1963 г. № 3).

В архиве Н. Гумилева (ЦГАЛИ СССР, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 43) хранится письмо А. Ахматовой, датированное 17 июля 1914 года:

«Милый Коля,
мама переслала мне сюда твое письмо. Сегодня уже неделя, как я здесь. Становится скучно, погода испортилась, и я предчувствую раннюю осень. Целые дни лежу у себя на диване, изредка читаю, но чаще пишу стихи.

Посылаю тебе одно сегодня, оно, кажется, имеет право существовать.

Думаю, что нам будет очень трудно с деньгами осенью. У меня ничего нет, у тебя, наверно, тоже. С «Аполлона» получишь пустяки. А нам уже в августе будут нужны несколько сот рублей. Хорошо, если с «Четок» (вторая книга стихов А. Ахматовой вышла весной 1914 года в издательстве «Гиперборей», тираж 1000 экз. — М. Г.) что-нибудь получим. Меня это все очень тревожит. Пожалуйста, не забудь, что заложены вещи, если возможно, выкупи их и дай кому-нибудь спрятать.

Будет ли Чуковский читать свою статью об акмеизме как лекцию? Ведь он и это может. С недобрым чувством жду июльскую «Русскую мысль». Вероятнее всего там свершит надо мною страшную казнь Валерий (имеется в виду В. Брюсов. — М. Г.). Но думаю о горчайшем, уже перенесенном и смиряюсь.

Пиши, Коля, и стихи присылай.
Будь здоров, милый!
Целую. Твоя Анна.
Левушка здоров и все умеет говорить». Затем, на втором листе рукой А. Ахматовой написано стихотворение «Подожла я к сосновому лесу», впоследствии получившее название «Моей сестре». Оно было посвящено младшей сестре Ие (1894—1922).

Подписано письмо А. Ахматовой: Дарница, лето 1914 г.

В июне 1914 года А. Ахматова отдыхала в Дарнице под Киевом у своей матери Инны Эразмовны (1852—1930). Она происходила из старинной дворянской семьи Стоговых, чей род происходил от новгородских бояр.

**

Гумилев и Африка — эта тема еще ждет своего исследователя.

Гумилев любил Африку и несколько раз туда путешествовал. Он был в Абиссинии и Сомали. Африканский период его жизни и творчества, в общей сложности, длился чуть менее двух лет. Сохранилась статья Гумилева, в которой, к сожалению, нет конца, «Африканское искусство», написанная в 1910 году (ЦГАЛИ, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 24).

«Африканское искусство — для многих это сочетание слов покажется странным. Ведь мы привыкли искусство считать частью культуры, а самую культуру понимать как способность к накоплению знаний и ощущений и умение передавать или воспринимать их с помощью памятников, изустных преданий и общеизвестных учреждений.

Такой культуры среди африканских племен действительно нет, или, по крайней мере, очень мало, за исключением древних государств северного побережья и когда-то могучей Абиссинии, этой младшей сестры Византии. Мы находим там мелкие банды дикарей, отдаленных друг от друга непроходимыми лесами, болотами, пустынями, которые мешают им не только слиться, но даже узнать о существовании друг друга.

Иногда то в том, то в другом племени вспыхивает присущий ему гений, является жажда завоеваний, и оно проходит тысячи миль, само не зная, куда и зачем; когда же храбрые воины будут перебиты, женщины возропцут слишком сильно и место покажется удобным для жизни, племя останавливается, распадается на бесчисленные кланы и начинает свое прежнее существование.

Через два-три столетия даже европейские ученые не в силах будут узнать, когда и каким образом появилось в такой-то местности такое-то племя».

Публикация и комментарий
Михаила ГОЛЬДЕНБЕРГА.